

Джек Лондон

Исчезнувший браконьер

Джек Лондон

Спасенный браконьер

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=128348

Аннотация

«– Но они не примут никаких извинений. Вы перешли запретную черту, и этого достаточно. Они вас заберут. Вам прямая дорога в Сибирь и в соляные копи. Ну, а Дядя Сэм... как он об этом узнает? Ни одно словечко не долетит до Штатов. „Мэри Томас“ – сообщат газеты – погибла со всем экипажем. Вероятно, во время тайфуна в Японском море. Вот что скажут газеты, да, пожалуй, и люди. Вы попадете в Сибирь и в соляные копи. Умрете для всех близких и родных, даже если и проживете, быть может, еще с полвека...»

Джек Лондон

Спасенный браконьер

The Lost Poacher (1900)

* * *

– Но они не примут никаких извинений. Вы перешли запретную черту, и этого достаточно. Они вас заберут. Вам прямая дорога в Сибирь и в соляные копи. Ну, а Дядя Сэм... как он об этом узнает? Ни одно словечко не долетит до Штатов. «Мэри Томас» – сообщат газеты – погибла со всем экипажем. Вероятно, во время тайфуна в Японском море. Вот что скажут газеты, да, пожалуй, и люди. Вы попадете в Сибирь и в соляные копи. Умрете для всех близких и родных, даже если и проживете, быть может, еще с полвека.

Так сплеча разрешил вопрос Джон Льюс, носивший прозвище Морской Законник.

Положение казалось серьезным всем собравшимся в кубрике «Мэри Томас». Едва только команда внизу приступила к обсуждению серьезного вопроса, вахтенные с палубы спустились вниз и к ней присоединились. Было безветренно, и все матросы были свободны, за исключением рулевого, которого только дисциплина удерживала у колеса. Даже Буб Рус-

сель, юнга, протиснулся вперед, чтобы послушать разговоры.

И момент действительно был серьезный, об этом свидетельствовали нахмуренные лица матросов. Три предшествовавшие месяца «Мэри Томас» – шхуна для ловли тюленей – охотилась за тюленями вдоль берегов Японии и к северу до Берингова моря. Здесь, на азиатской стороне моря, они вынуждены были отказаться от ловли. Вернее – не идти дальше, ибо там, дальше, русские крейсеры охраняли запретную зону, где тюлени могли мирно размножаться.

Неделю назад шхуна попала в густой туман. Одновременно заштилело, и с тех пор туман не рассеивался, а легкий ветерок покрывал воду едва заметной рябью. Само по себе это было не так плохо, шхуны, охотящиеся за тюленями, никогда не спешат, пока можно охотиться; но беда заключалась в том, что в этом месте сильное течение относило к северу. Таким образом, «Мэри Томас» по неведению преступила запретную черту и с каждым часом невольно проникала все дальше и дальше в опасные воды, где на страже стоял русский медведь.

Никто не знал, как далеко она продвинулась. В течение недели не видно было ни солнца, ни звезд, и шкипер не мог произвести наблюдения и определить положение судна. В любой момент их мог захватить какой-нибудь крейсер и утащить всю команду в Сибирь. Судьба браконьеров, охотников за тюленями, была слишком хорошо известна «Мэри Томас», вот почему лица их были так серьезны.

– Друзья мои, – заговорил один из рулевых, немец, – дело очень плохо. Как раз, когда мы сделали большой ловля, пришел беда. Русски заберут нас, и наши шкуры, и наша шхуна, и пошлют с анархисты в Сибирь. Эх, дело очень плохо!

– Да, в этом-то вся беда, – продолжал Морской Законник. – Полторы тысячи засоленных тюленьих шкур, добытых честным трудом, – все отнято будет! Прости-прощай, хорошая получка! Иное дело, если бы браконьерствовали, но охота была честная, в открытых водах.

– Но если мы-то ничего плохого не делали, разве они могут сделать что-нибудь с нами? – осведомился Буб.

– Не годится, чтобы мальчишка твоих лет совался в разговоры старших, – возразил матрос-англичанин, примостившийся на краю своей койки.

– Неверно, Джек, – заявил Морской Законник. – Он вправе спрашивать, ведь ему грозит потеря жалованья, как и всем остальным.

– И трех пенсов за него не дал бы, – фыркнул в ответ Джек. Он строил планы после получки поехать домой в Челси и повидаться с семьей и теперь был явно не в духе, ибо, по всей вероятности, ему грозила потеря не только жалованья, но и свободы.

– Почему они знают! – сказал Законник в ответ на вопрос Буба. – Мы здесь, в запретных водах. Разве им известно, что мы попали не по своей воле? Суть в том, что мы здесь, и на борту у нас полторы тысячи шкур. Откуда им знать, что мы

их добыли в открытых водах, а не тут? Понимаешь, Буб, все улики против нас. Если бы ты поймал человека, у которого карманы набиты яблоками точь-в-точь такими, какие растут на твоём дереве, да и поймал ты его на этом самом дереве, что бы ты подумал? Он тебе скажет, что ничего не мог поделать, – его вроде как бы ветром принесло сюда, а яблоки совсем с другого дерева, но ты-то что подумаешь, а?

Проблему, представленную в таком освещении, Буб прекрасно понял и уныло покачал головой.

– Лучше нам умереть, чем попасть в Сибирь, – сказал один из гребцов. – Они сошлют нас на соляные копи и заставят работать до самой смерти. И света белого не увидишь. Я слышал об одном парне, которого приковали цепями к товарищу, а товарищ помер. И они оба были скованы вместе. А не то сошлют на ртутные копи, а там слюной изойдешь. Пусть меня повесят, а слюнявиться не хочу.

– Почему слюнявиться? – спросил Джек и даже выпрямился на своей койке, услышав о новых ужасах.

– Да ведь ртуть тебе в кровь попадает, потому оно так и выходит. А десны все вспухают, словно у тебя цинга, только еще похуже, и зубы начинают шататься. И язвы делаются. Так и помрешь страшной смертью. Самый сильный человек, и тот долго не протянет в ртутных копиях.

Наступило молчание.

– Плоха дело, – горестно повторил немец-рулевой. – Плоха дело! И шего я не в Иокогама? А? Это еще што?

Судно внезапно накренилось, палуба поднялась. Крохотная миска, звеня и грохоча, скатилась по наклонной доске. Сверху донеслось хлопанье парусов и дрожащие «ра-тат-та» бокового лик-троса, слабо натянутого в фока-зейле. Затем голос штурмана загудел в люк:

– Все на палубу, ставь паруса!

Никогда еще на такое распоряжение не отвечали большим энтузиазмом. Штиль миновал. Поднялся ветер, который унесет их на юг в безопасные моря. С радостными криками все бросились на палубу. Двигаясь с лихорадочной быстротой, они поставили марсели, бом-кливера и стакселя. Пока они работали, завеса тумана поднялась, открыв черный купол неба, усеянный старыми знакомыми – звездами. Когда все было кончено, «Мэри Томас» грациозно легла набок и понеслась по волнам вперед, к югу.

– Огни парохода впереди, с носа, сэр! – крикнул часовой со своего поста на баке.

Голос его звучал взволнованно. Капитан послал Буба вниз за ночным биноклем. Все столпились на подветренной стороне и смотрели на подозрительное, незнакомое судно. Уже стали обрисовываться его смутные, неясные очертания. Эти воды почти никем не посещались, и был один шанс против тысячи, что перед ними не русское патрульное судно. Шкипер все еще с беспокойством смотрел в бинокль, когда на борту незнакомого судна вспыхнуло пламя, а затем раздался громкий пушечный выстрел. Самые худшие опасения оправ-

дались. Это было патрульное судно, стрелявшее, чтобы заставить «Мэри Томас» лечь в дрейф.

– Застопори! – крикнул шкипер рулевому; голос у него стал совсем безжизненным. Затем он обратился к команде: – Обстенить кливер и фока-зейл! Спустить бом-кливер! Формарселя на гитовы! Развернуть грота-шкоты!

«Мэри Томас» легла в дрейф и начала важно приседать перед длинными волнами, катившимися с запада.

Крейсер подошел ближе и спустил шлюпку. Охотники за тюленями наблюдали в жутком молчании. Они могли разглядеть белые очертания шлюпки, медленно опускавшейся на воду. Разглядели и людей в шлюпке, а затем до них донесся скрип боканцев и команда офицеров. Под ударами весел шлюпка рванулась вперед и направилась к ним. Ветер усиливался, и волнующееся море не позволяло хрупкому суденышку лечь бок о бок с раскачивающейся шхуной; но, выждав удобный момент и воспользовавшись спущенным канатом, офицер и пара матросов вскарабкалась на борт. Затем шлюпка отошла дальше, туда, где волнение было меньше; весла были подняты над водой; на корме, у руля, остался молодой мичман.

Офицер, в форме второго лейтенанта русской службы, спустился вниз со шкипером «Мэри Томас», чтобы взглянуть на судовые документы. Несколько минут спустя он снова появился на палубе. Его матросы уже сняли брезент с люка, и он с фонарем спустился в трюм, взглянуть на засолен-

ные шкуры. Его глазам предстал недурной запас: полторы тысячи свежих шкур – добыча этого плавания; и, принимая во внимание все обстоятельства дела, он мог вынести лишь одно заключение.

Вернувшись на палубу, он обратился на ломаном английском языке к шкиперу шхуны:

– Я очень сожалею, но мой долг захватить, именем царя, ваше судно, как браконьерское, застигнутое в запретных водах со свежими шкурами. Вам должно быть известно, что за это полагается конфискация и заключение в тюрьму.

Капитан «Мэри Томас» с напускным равнодушием повел плечами и отвернулся. Хотя сильные люди и умеют скрывать свои чувства, но незаслуженные бедствия иногда могут довести их чуть ли не до слез. А сейчас перед его глазами мелькнуло яркое видение: маленький домик в Калифорнии, жена и два белокурых мальчугана; какой-то странный клубок поднялся в горле, и ему стало страшно. Попытайся он заговорить, и он разрыдается.

А ведь на нем лежала ответственность перед командой. Он не мог, не смел проявлять слабость, ибо его долг – быть твердым и мужественным до конца, чтобы поддержать их в беде. Он уже дал все объяснения лейтенанту и знал, что положение безнадежно. Как сказал Морской Законник, все улики были против него. Итак, он отвернулся и стал шагать взад и вперед по корме шхуны, которой он уже не командовал.

Русский офицер временно взял команду на себя. Он вызвал на борт еще несколько своих матросов и приказал убрать и закрепить все паруса. Когда с этим было покончено, шлюпка успела подплыть к крейсеру и вернуться назад с тяжелым канатом; конец его был прикреплен к большим битенгам на баке шхуны. Пока шла эта работа, угрюмые матросы группами стояли вокруг. Было безумием думать о сопротивлении, когда жерла орудий были так близко, что в них можно было попасть сухарем. Но помогать они отказывались, предпочитая хранить мрачное молчание. Покончив с этим делом, лейтенант отослал всех своих матросов назад в шлюпку, оставив только четверых, затем мичман – мальчик лет шестнадцати, – казавшийся странно взрослым и важным в своем мундире с кортиком, поднялся на борт, чтобы принять командование пленной шхуной. Перед самым уходом взгляд лейтенанта случайно упал на Буба. Не говоря ни слова, он схватил его за руку и спустил через борт в ожидавшую лодку; затем, махнув на прощанье рукой, он последовал за ним.

Вполне естественно, что это неожиданное происшествие должно было перепугать Буба. Все страшные рассказы, какие он слышал о русских, заставили его бояться их, а теперь они казались ему еще страшнее. Достаточно скверно, что они захватили шхуну, но увозить его от товарищей – такая судьба ему и в голову не приходила.

– Веди себя хорошо, Буб! – крикнул ему шкипер, ко-

гда шлюпка отделилась от борта «Мэри Томас». – И говори правду!

– Да, да, сэр, – крикнул тот мужественно в ответ. В нем зашевелилась национальная гордость, он стыдился показать себя трусом перед этими неведомыми врагами, этими дикими русскими медведями.

– И будь вежлив! – добавил немец-рулевой, и его грубый голос, как сирена, пронесся над водой.

Буб замахал на прощанье рукой, а товарищи его, столпившись у перил, ответили ему ободряющими возгласами. Он примостился на корме, откуда стал следить за лейтенантом.

В конце концов лейтенант выглядел совсем не таким уж диким медведем, он очень похож на остальных людей, решил Буб, и матросы точь-в-точь такие, как все матросы с военных судов, виденные им раньше. Тем не менее, когда нога его ступала на стальную палубу крейсера, ему показалось, что он вошел в ворота тюрьмы.

На несколько минут его оставили в покое. Матросы подняли шлюпку и повесили ее на боканцы. Затем густые клубы черного дыма повалили из труб, и они тронулись в путь, в Сибирь, невольно подумал Буб. Он видел, как «Мэри Томас» потащилась за ними на натянутом канате, а ее боковые огни, красный и зеленый, то подымались, то опускались, когда она неслась по волнам.

При этом грустном зрелище глаза Буба затуманились, но... как раз в эту минуту к нему подошел лейтенант, что-

бы отвести вниз к капитану, и он выпрямился, крепко сжав губы, словно все это было для него привычным делом и его чуть не каждый день ссылали в Сибирь. Каюта, где сидел капитан, походила на дворец по сравнению со скромной обстановкой «Мэри Томас», а сам капитан – важный, с золотыми нашивками – казался величественной особой, ничуть не напоминавшей простенького шкипера шхуны, охотившейся за тюленями.

Тут Буб сообразил, зачем его взяли на борт, и на все вопросы, какие ему задавали, отвечал одну чистую правду. Правда вреда не причиняла; только ложь могла повредить его делу. Он знал немного; знал, что они охотились за тюленями далеко к югу, в открытых водах, а затем, когда настал штиль и туман спустился на них у запретной зоны, они были в нее отнесены. Снова и снова он настаивал, что за всю неделю плаванья в запретной зоне они ни разу не спустили шлюпки и не пристрелили ни одного тюленя; но капитан видел во всех его словах только ложь и обращался с ним грубо, чтобы запугать мальчика. Он то грозил ему, то пытался подействовать лаской, но ему так и не удалось поколебать твердость Буба; наконец он велел ему убираться. По небрежности, Буба оставили без присмотра и разрешили бродить по палубе. Иногда матросы с любопытством на него поглядывали, но в общем он был предоставлен самому себе. Он не мог привлечь к себе особого внимания, потому что был мал, ночь стояла темная, а вахта на палубе занималась сво-

им делом. Спотыкаясь, он побрел по незнакомой палубе на корму, откуда ему видны были боковые огни «Мэри Томас», неизменно следовавшей за крейсером.

Долго следил он за ней, а затем улегся в темноте, там, где канат пробежал по корме к захваченной шхуне. Только один раз подошел какой-то офицер и посмотрел, не перетирается ли натянутая веревка. Буб отполз в тень и остался незамеченным. И тут у него появилась мысль, которая касалась жизни и свободы двадцати двух человек и должна была отвратить великие бедствия от многих семейств за тысячи миль отсюда.

Во-первых, рассуждал он, команда неповинна ни в каком преступлении, а все же ее безжалостно тащат в тюрьму, в Сибирь, погребут заживо, он слышал эти рассказы и слепо им верил. Во-вторых, он здесь в плену, и у него нет никакой возможности ускользнуть. В-третьих, двадцать два человека на «Мэри Томас» спастись могут. Их удерживает только четырехдюймовый канат. Они не смеют перерезать его у своего конца, так как русские, захватившие шхуну, конечно, поставили там часового, но этот конец... ах, этот конец...

Буб прервал свои рассуждения. Он близко подполз к канату, открыл свой складной нож и принялся за работу. Нож был не очень острый; Буб перепиливал прядь за прядью, и с каждым движением ножа все отчетливее и страшнее вырисовывалась перед ним жуткая картина: Сибирь, одиночество, ссылка. Даже в обществе товарищей такая судьба была

довольно-таки плоха, но столкнуться с ней одному казалось ужасным. А кроме того, самый поступок, какой он совершал, конечно, повлечет за собой еще большее наказание.

Эти мрачные мысли были прерваны приближающимися шагами. Он отполз в тень. Какой-то офицер остановился на том самом месте, где он работал, наклонился было, чтобы осмотреть канат, потом передумал и выпрямился. Он простоял тут несколько минут, глядя на огни захваченной шхуны, а затем пошел на нос.

Теперь пора! Буб выполз и продолжал пилить. Он перерезал две пряди каната. Потом еще одну. Оставалась последняя, но она была так сильно натянута, что поддавалась легко. Плеск! Обрезанный конец скользнул за борт. Буб лежал тихо и прислушивался. Сердце у него ушло в пятки. Но на крейсере никто ничего не слышал. Он видел, как потускнели красный и зеленый огни «Мэри Томас». Затем над водой пронесся слабый крик русских матросов, оставшихся на призовом судне, но и этого никто не слышал. Дым по-прежнему валил из труб крейсера, а машины энергично работали.

Что происходило на «Мэри Томас»? Буб мог только делать предположения, но в одном он был уверен: его товарищи захватят власть в свои руки и справятся с четырьмя матросами и мичманом. Спустя несколько минут он увидел маленькую вспышку света, и напряженный слух уловил очень слабый револьверный выстрел. Затем – о, радость! – и красный огонь и зеленый внезапно исчезли. «Мэри Томас» снова

была свободна.

На корме показался офицер. Буб пролез вперед и спрятался в одной из шлюпок. Еще момент, и было бы поздно. Забили тревогу. Раздалась громкая команда. Крейсер взял другой курс. Белые лучи электрического прожектора во всех направлениях ударили по морю, но во вспыхивающих полосах света не видно было вздымающейся на волнах шхуны.

После этого Буб скоро заснул и проснулся только на расвете. Монотонно стучали машины, а по плеску воды он догадался, что команда моет палубу. Окинув взглядом океан, он увидел, что они одни. «Мэри Томас» ускользнула; когда он высунул голову, его встретил громкий хохот матросов. Даже у офицера, приказавшего отправить его вниз и запереть, смеялись глаза. В последующие дни своего заключения Буб частенько думал, что они не так уж рассердились на него за этот поступок.

Он был недалек от истины. В сердцах всех людей заложено некоторое благородство, заставляющее их восхищаться смелым поступком, хотя бы и совершенным врагом. И русские ничуть не отличались от остальных людей. Правда, мальчишка их перехитрил; но бранить его они не могли и были в большом затруднении, как с ним поступить. Совсем не годилось тащить с собой такого малыша, как он, в качестве единственного представителя удравшего судна.

И спустя две недели военное судно Соединенных Штатов, выходявшее из Владивостока, было остановлено сигналами

с русского крейсера. Шлюпка отошла от крейсера, и маленький мальчик перелез через перила на палубу американского судна. Через неделю его спустили на берег в Хакодате. Произошел обмен телеграммами, и ему выдали проезд до Иокогамы.

Прямо со станции он побежал по причудливым японским улицам к гавани. Он нанял лодочника-японца и приказал отвезти себя на борт некоего судна, знакомый такелаж которого сразу привлек его внимание. Стеньги его были сняты, а паруса подняты; оно готовилось пуститься в обратный путь в Соединенные Штаты. Когда он подъехал ближе, толпа матросов высыпала на борт, и брашпиль пришел в движение, вырывая из илистого дна якорь.

«Судно янки вниз по речке!» – раздался голос Морского Законника, затянувшего якорную песню.

«Тяните, ребята-молодцы!» – загремели в ответ знакомые голоса, а тела мужчин поднимались и опускались под ритм песни.

Буб Руссель расплатился с лодочником и поднялся на палубу. Якорь был забыт. Матросы приветствовали его ликующими криками; он не успел перевести дух, как уже стоял на плечах капитана, окруженный товарищами, и пытался одновременно ответить на двадцать вопросов.

На следующий день шхуна легла в дрейф у японской рыбацкой деревушки, высадила на берег четырех матросов и маленького мичмана и поплыла дальше. Эти люди не гово-

рили по-английски, но у них были деньги, и они живо добрались до Иокогамы. С того дня японская деревушка так ничего больше о них и не слыхала, и эти таинственные люди до сих пор вызывают всевозможные толки.

Так как русское правительство и словом не обмолвилось об этом инциденте, то Соединенные Штаты по-прежнему пребывают в неведении относительно «потерянного браконьера»; кроме того, они не получили официальных сообщений о том, как несколько граждан Штатов «расправились» с пятью подданными царя. Даже у государств бывают иногда свои секреты...